

Культура

Станислав ЛЕМ:

Нельзя принудить людей
быть моральными

Известия. — 2001. — 12 сент. — с. 8

Страшные события минувшего дня почти совпали с сегодняшним юбилеем одного из самых пронзительных предсказателей нашего времени, замечательного польского писателя-фантаста и философа, прижизненного классика Станислава ЛЕМА. На его романах «Солярис», «Астронавты», «Магелланово облако» и других выросло несколько поколений людей во всем мире. Накануне юбилея в доме писателя под Краковом побывала обозреватель газеты «Известия» Юлия РАХАЕВА. Разговор шел по-русски. До взрывов в США оставалось несколько дней...

— Стал ли окружающий вас мир лучше, чем был в веке минувшем?

— Боюсь, что не стал. Мы как будто находимся в поезде, который с огромным ускорением движется в неизвестном направлении. Каждый месяц приносит новые неприятные сюрпризы. В мире сегодня жить не легче, не мирнее, чем в то время, когда он был биполярным. Центр тяжести передвигается на Восток. Очень усилился Китай, а вот экономика Японии, наоборот, упала. И вообще, слишком много людей живет сегодня на Земле — 6 миллиардов 100 миллионов, из них почти полтора миллиарда — китайцы, которые, судя по публикациям в прессе, уже начали умерщвлять новорожденных девочек. Во времена Советского Союза Польша была чем-то вроде его протектората. И это было плохо. Но сегодня она существует в обстановке полной анархии, как будто на дворе не XXI, а XVIII век. Огромное количество политических сил, ни одна из которых не знает, куда вести страну.

— Следите ли вы за тем, что происходит сегодня в России, стране, где вас по-прежнему любят и читают?

— То, что там происходит, я бы назвал релаксацией. Один строй упал, перегруженный гонкой вооружений, ему на смену пришел другой. Ведь это неправда, что мы (да и вы) сами выиграла свободу и независимость. Просто Горбачев хотел немного исправить строй, но перестарался, и все развалилось. И у нас, и у вас сейчас вроде бы демократия. Значит, все должно быть прозрачным, а доступ к информации — абсолютным. Но это не так. Например, в прежние времена граждане не знали, как расходуются финансы, и сегодня в этом смысле ничего не изменилось, хотя газеты и журналы публикуют списки миллионеров. Раньше 100-тысячный тираж книжки, пусть дешевой, изданной на плохой бумаге, был нормальным явлением. Если удавалось преодолеть политическую цензуру, дальше все шло нормально. Сегодня, когда все считают деньги, тиражи падают. В начале крушения советской империи меня у вас издали 200-тысячным тиражом, правда, до сих пор не до конца расплатились, но это не важно. Потом — 60-тысячным, потом все меньше и меньше. И такая ситуация не только с моими книгами, но и с культурой вообще.

— Но уж вас-то, наверное, давно не удивил новым изданием?

— Меня перевели на 38 языков, последние по времени издания — японское и французское. Но всеми этими вещами уже давно занимается мой секретарь.

— А чем в таком случае занимаетесь вы в дни своего восьмидесятилетия?

— По стечению обстоятельств внезапно стал политическим обозревателем католического еженедельника. Хотя я и атеист. Конечно, я не пишу о Божьей матери, в основном — о современной политике Соединенных Штатов Америки. Во времена

так называемого реального социализма было очень трудно добывать иностранные газеты. Сегодня я ими перегружен. Я не очень хорошо отношусь к США, особенно к их президенту Джорджу Бушу-младшему, которого считаю невеждой. Мой сын, закончивший Принстонский университет, не захотел остаться в этой стране, ему не нравится так называемый американский образ жизни. Затея Соединенных Штатов Америки с противоракетной обороной — просто научная фантастика. Один выстрел ракеты в ракету стоит 100 миллионов долларов, то есть первая фаза этой программы будет стоить около 50 миллиардов. Специалисты по

поколение молодежи, которая не знает и не желает знать своего прошлого. Для нее оно как Ассирия. На заседаниях нашего парламента не услышишь слова «культура». Только деньги, деньги и еще раз деньги.

— Как вы относитесь к проблеме глобализации и к тем, кого называют антиглобалистами?

— Я не считаю себя специалистом по этой проблеме, хотя глобализация — вещь очень серьезная, и непонятно, к чему она приведет. Среди тех, кто протестует против глобальных процессов, очень разные люди. Есть там, естественно, и молодые люди, которые с удовольствием опрокидывают автомобили, бьют витрины и так далее. Но ни идеология, ни политические взгляды тут ни при чем.

— У вас в «Звездных дневниках» бездна юмора, интеллигентного, тонкого. Вам не кажется, что сейчас и жизнь, и литература несколько потяжелели, а юмор, если он и есть, уже сильно не тот?

дународное, ни кабельное — никакое.

— В вашей повести «Возвращение со звезд», помнится, с людьми совершили нечто, лишившее их агрессии и права быть несчастными. Когда вы ее писали, вы были против такого порядка. А сегодня?

— Написать можно все, но ведь исполнить это невозможно.

— А хотелось бы?

— Нельзя принудить людей быть моральными. Вот в Польше, с одной стороны, все католики. С другой — есть огромное количество бродяг, нищих. Люди крадут, совершают преступления. У нас уже и мафии есть, почти как в США. А полиция ничего не может сделать, не имеет никакого авторитета. У церкви вроде бы авторитет есть, она призывает всех руководствоваться христианскими ценностями, но главная ценность сегодня — это деньги, в том числе и для церкви. Раньше на абсолютный авторитет в польском обществе претендовала ПОРП (Польская

вый мир», «Знамя». Но ведь когда-то нужно еще есть, спать, а в сутках по-прежнему лишь 24 часа. Кроме того, ко мне еще часто обращаются и просят стать почетным членом чего-то. Я спрашиваю: а какие у меня будут обязанности? Да никаких, только дайте нам вашу фамилию. Через некоторое время получаю письмо: пожалуйста, приезжайте, открывайте, скажите. Но я не могу приехать ко всем, иначе мне пришлось бы разорваться на куски. Я никогда не принадлежал к тем, кто любит путешествовать. Мне это неинтересно. В последний раз я летел, кажется, из Вены десять лет назад, и потом 80 лет — это, согласитесь, некоторый возраст. Сижу на месте, никуда не выезжаю. Читаю. Вон там — сборник Пушкина, изданный в свое время тиражом в четверть миллиона и купленный мною за 1 рубль 20 копеек. Многие знаю наизусть: «Я люблю чудное мгновение». «Я вас люблю» и так далее. Помню и стихи других ваших поэтов, на-

динились две Германии, был такой энтузиазм, а теперь люди бегут из Восточной Германии — им не нравится то, что у них сделали западные немцы. Пока еще государства имеют каждое свою валюту, а скоро будет одна — евро. Я немножко понимаю в астрофизике, но в экономике не понимаю ничего. Биржа и все с этим связанное — для меня как китайское письмо.

— Можно ли научить людей отличать продукцию информационных технологий от реальности?

— Это очень интересный вопрос. Вы знаете, в Америке есть люди, которые уверены, что никаких американцев на Луне не было, что все это миф. Мой сын рассказывал, что в Америке существует Общество плоской Земли, то есть люди, вполне серьезно думающие, что Земля не шар. Если люди очень хотят во что-то верить, разве им можно это запретить?

— Что вы думаете о клонировании человека?

— Почти все говорят, что это очень опасно. Но есть сумасшедший итальянский врач, который говорит, что будет этим заниматься, несмотря на все запреты. А насчет самой возможности... В конце XIX века многие специалисты говорили, что никогда машина тяжелее воздуха не поднимется в небо, что это абсолютно невозможно. Лет 30—40 назад никто не мог предвидеть ни клонирования, ни того, что будет расшифрован геном человека, ни возможности выбирать пол ребенка. Генетически измененные растения вызывают опущение ужаса, особенно в Европе. Правда, пока ничего не случилось.

— Но ведь и времени прошло не так много для того, чтобы проявились так называемые отдаленные последствия.

— А если случится, то мы об этом можем ничего не узнать. Я ведь перестал смотреть телевидение, потому что не мог выносить такого количества крови. У вас ведь тоже, наверное, показывают эти американские фильмы?

— Конечно, и я их тоже не смотрю. Мы с вами как страусы — спрятали голову в песок, и вроде бы опасности нет.

— Мы живем, как говорят китайская поговорка, в очень интересное и опасное время.

— В числе главных опасностей — наркомания. Как вы считаете, можно ли с ней бороться и победить?

— 30 лет тому назад мне под контролем врача дали один миллиграмм псилоцибина, такого галлюциногена. Это было довольно интересно, но когда они хотели повторить эксперимент, я отказался и сказал, что мне достаточно моего собственного воображения. В своей жизни я больше никогда не соприкасался с проблемой наркотиков, но знаю, насколько это опасно для молодежи.

— Кстати, о молодежи. Есть ли у вас с ней контакт? Читает ли она ваши книги?

— Немножко читает. Но у нас существует огромная конкуренция с западной литературой. В российских журналах стихи еще в рифму пишут, а у нас уже почти нет. Из-за этой ужасной свободы каждый может издать все что хочет, были бы деньги. Издают и себя. А потом в конверт — и присылают мне. Но я же не могу все это прочесть!

— А не прочесть то, что вам прислали, воспитание не позволяет?

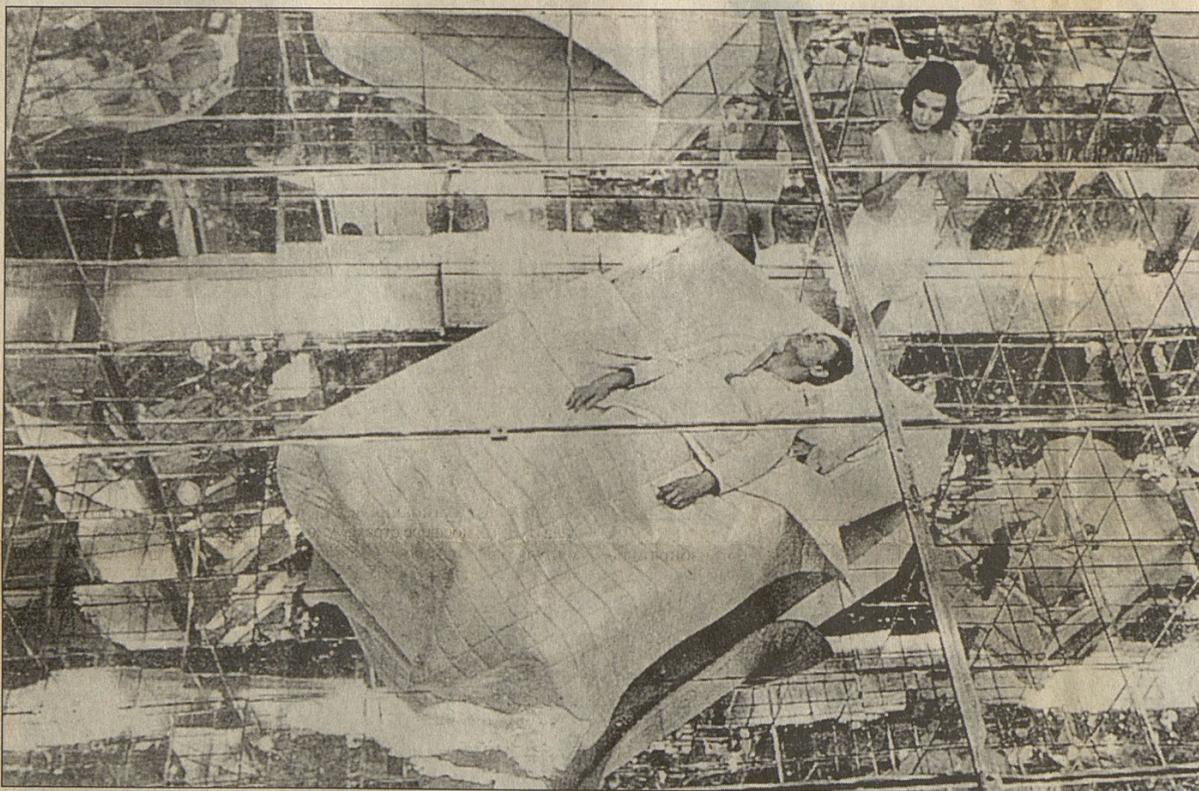
— Из десяти книг одна точно будет хорошая. А из тысячи я выбирать не в состоянии. В книжных магазинах страшно заходить — 99 процентов переводной литературы. Есть, правда, хорошая научная литература, но она очень дорогая — 50—60 долларов. Издатель должен зарабатывать деньги на астрологической, кулинарной литературе, на дамских романах и детективах. Тогда он сможет маленьким тиражом издать что-то хорошее.

— Известно, что вы не очень хорошо отнеслись к знаменитому «Солярису» Андрея Тарковского. Какой должна быть экранизация или инсценировка, чтобы заслужить ваше благорасположение?

— Даже не знаю. Только что я получил известие из Соединенных Штатов Америки о том, что они все-таки будут делать так называемый «Солярис» — римейк фильма Тарковского. Будет ставить какой-то известный режиссер, но фамилии я не помню.

— Вы родились и огромную часть вашей жизни прожили в XX веке с его страшными войнами, с его революциями. Что бы вы изменили, будь то ваша воля?

— Я родился во Львове, прожил 16 лет своей жизни в довоенной Польше, потом, никуда из Львова не уезжая, в Советском Союзе, потом пришли немцы, и мы с родителями переехали в Краков. Здесь я познакомился с будущей женой, которая тоже оказалась в Кракове из-за войны. У нас родился сын, теперь есть внучка. И можно сказать: да, война была ужасна, она уничтожила миллионы людей, но если бы не она, не было бы нашего брака, сына, внучки. Таким образом, всякая вещь имеет свою положительную и отрицательную сторону. Жизнь человека зависит от огромной массы случайностей. Вот сейчас я случайно узнал, что тот краковский католический еженедельник, в котором я пишу свои фельетоны, купили какие-то швейцарцы и хотят перенести его издание в Варшаву. Я, конечно, там сотрудничать перестану. Поневолье вспомнишь о временах реального социализма. Хотя, конечно же, никакой ностальгии по тем временам я не чувствую.

Михаил Ромадин. Эскиз «зеркальной комнаты» к фильму «Солярис»

баллистике говорят, что ничего из этого не выйдет. На месте президента Путина я бы сидел тихо и смотрел, как американцы выбрасывают огромные деньги в эту черную дыру.

— А в Европе вас что же, все устраивает?

— В Европе все немного по-другому. Что касается собственно Польши, то здесь еще остались люди, которые называют себя интеллигенцией. Они себя не очень хорошо чувствуют в этой новой, свободной Польше, потому что то, чем они жили, — литература, культура — становится второстепенным. Есть свобода, но нет той прекрасной Польши, о которой они грезили. Хотя в Польшу удирает все больше людей из стран так называемого «третьего мира». Мы потеряли огромное количество умных людей, особенно в период гитлеровской оккупации. Не только евреев, но и всех тех, кого можно было назвать польской элитой. Во время военного положения и потом, в годы распада советской империи, родилось

— Отвечу косвенно. Раньше западных корреспондентов, побывавших в Москве, удивляло, что в метро читают Толстого, Некрасова. А недавно ко мне обратился русский «Плейбой», и я удивился: неужели может быть обнаженная русская женщина на фотографии? Увы, не все люди могут использовать свободу самым умным и хорошим образом.

— Сейчас время не книг, а телевидения и Интернета. У меня, конечно, есть и компьютер, и модем с электронной почтой, но я не принадлежу к энтузиастам этой техники. На меня некоторые обижаются, говорят, что мол, старик не хочет менять свои привычки. Хотя, конечно, то, что за пять минут я могу получить письмо от моего американского агента и сразу ему ответить, — это очень хорошо. Но сколько в этой самой Сети мусора! И никто с этим не может ничего поделать. По-моему, нужна определенная селекция. И не только в Интернете. Мой агент из США присылает мне много разных изданий, агент из Москвы — журналы «Природа». «Но-

объединенная рабочая партия, аналог нашей КПСС. — Ю.Р.), сегодня претендует костел. Мы еще не дозрели до демократии. Делая скачок из социализма в капитализм, можно ведь голову сломать.

— Какая идея могла бы вас сейчас подвигнуть на творчество?

— Сейчас время не книг, а телевидения и Интернета. У меня, конечно, есть и компьютер, и модем с электронной почтой, но я не принадлежу к энтузиастам этой техники. На меня некоторые обижаются, говорят, что мол, старик не хочет менять свои привычки. Хотя, конечно, то, что за пять минут я могу получить письмо от моего американского агента и сразу ему ответить, — это очень хорошо. Но сколько в этой самой Сети мусора! И никто с этим не может ничего поделать. По-моему, нужна определенная селекция. И не только в Интернете. Мой агент из США присылает мне много разных изданий, агент из Москвы — журналы «Природа». «Но-

пример Маяковского, но Пушкин — это совсем другое.

— А что-нибудь современное читаете?

— В последнее время читаю очень интересные американские книги о проблеме связей с внеземными цивилизациями. В свое время покойный Иосиф Шкловский и американец Карл Саган, который тоже уже умер, на конференции в Бюракане говорили о вероятности разумной жизни в нашей Галактике. Незадолго до смерти Шкловский был уверен, что мы — единственные разумные существа во Вселенной. Вот и у меня не остается никакой надежды, что кто-то к нам прилетит на тарелке. Это сказки для детей. Никто не посмотрит из космоса на то, как некрасиво мы живем.

— Пан Станислав, попробуйте предсказать ближайшее будущее, ну хотя бы года на два-три вперед.

— «Бура мглою небо кроет». Кругом — сплошная мгла, никто ничего не знает о будущем. Невозможно ничего знать даже на два-три года вперед. Когда обье-

Станислав ЛЕМ:

Нельзя принудить людей быть моральными

Страшные события минувшего дня почти совпали с сегодняшним юбилеем одного из самых пронзительных предсказателей нашего времени, замечательного польского писателя-фантаста и философа, прижизненного классика Станислава ЛЕМА. На его романах «Солярис», «Астронавты», «Магелланово облако» и других выросло несколько поколений людей во всем мире. Накануне юбилея в доме писателя под Краковом побывала обозреватель газеты «Известия» Юлия РАХАЕВА. Разговор шел по-русски. До взрывов в США оставалось несколько дней...

— Стал ли окружающий вас мир лучше, чем был в веке минувшем?

— Боюсь, что не стал. Мы как будто находимся в поезде, который с огромным ускорением движется в неизвестном направлении. Каждый месяц приносит новые неприятные сюрпризы. В мире сегодня жить не легче, не мирнее, чем в то время, когда он был биполярным. Центр тяжести передвигается на Восток. Очень усилился Китай, а вот экономика Японии, наоборот, упала. И вообще, слишком много людей живет сегодня на Земле — 6 миллиардов 100 миллионов, из них почти полтора миллиарда — китайцы, которые, судя по публикациям в прессе, уже начали умерщвлять новорожденных девочек. Во времена Советского Союза Польша была чем-то вроде его протектората. И это было плохо. Но сегодня она существует в обстановке полной анархии, как будто на дворе не XXI, а XVIII век. Огромное количество политических сил, ни одна из которых не знает, куда вести страну.

— Следите ли вы за тем, что происходит сегодня в России, стране, где вас по-прежнему любят и читают?

— То, что там происходит, я бы назвал релаксацией. Один строй упал, перегруженный гонимой вооружений, ему на смену пришел другой. Ведь это неправда, что мы (да и вы) сами выиграли свободу и независимость. Просто Горбачев хотел немного исправить строй, но перестарался, и все развалилось. И у нас, и у вас сейчас вроде бы демократия. Значит, все должно быть прозрачным, а доступ к информации — абсолютным. Но это не так. Например, в прежние времена граждане не знали, как расходуются финансы, и сегодня в этом смысле ничего не изменилось, хотя газеты и журналы публикуют списки миллионеров. Раньше 100-тысячный тираж книжки, пусть дешевой, изданной на плохой бумаге, был нормальным явлением. Если удавалось преодолеть политическую цензуру, дальше все шло нормально. Сегодня, когда все считают деньги, тиражи падают. В начале крушения советской империи меня у вас издали 200-тысячным тиражом, правда, до сих пор не до конца расплатились, но это не важно. Потом — 60-тысячным, потом все меньше и меньше. И такая ситуация не только с моими книгами, но и с культурой вообще.

— Но уж вас-то, наверное, давно не удивил новым изданием?

— Меня перевели на 38 языков, последние по времени издания — японское и французское. Но всеми этими вещами уже давно занимается мой секретарь.

— А чем в таком случае занимаетесь вы в дни своего восьмидесятилетия?

— По стечению обстоятельств внезапно стал политическим обозревателем католического еженедельника. Хотя я и атеист. Конечно, я не пишу о Божьей матери, в основном — о современной политике Соединенных Штатов Америки. Во времена

так называемого реального социализма было очень трудно добывать иностранные газеты. Сегодня я ими перегружен. Я не очень хорошо отношусь к США, особенно к их президенту Джорджу Бушу-младшему, которого считаю неведомой. Мой сын, закончивший Принстонский университет, не захотел остаться в этой стране, ему не нравится так называемый американский образ жизни. Затея Соединенных Штатов Америки с противоракетной обороной — просто научная фантастика. Один выстрел ракеты в ракету стоит 100 миллионов долларов, то есть первая фаза этой программы будет стоить около 50 миллиардов. Специалисты по

поколение молодежи, которая не знает и не желает знать своего прошлого. Для нее оно как Ассирия. На заседаниях нашего парламента не услышишь слова «культура». Только деньги, деньги и еще раз деньги.

— Как вы относитесь к проблеме глобализации и к тем, кто называют антиглобалистами?

— Я не считаю себя специалистом по этой проблеме, хотя глобализация — вещь очень серьезная, и непонятно, к чему она приведет. Среди тех, кто протестует против глобальных процессов, очень разные люди. Есть там, естественно, и молодые люди, которые с удовольствием опрокидывают автомашины, бьют витрины и так далее. Но ни идеология, ни политические взгляды тут ни при чем.

— У вас в «Звездных дневниках» бездна юмора, интеллигентного, тонкого. Вам не кажется, что сейчас и жизнь, и литература несколько потяжелели, а юмор, если он и есть, уже сильно не тот?

дународное, ни кабельное — никакое.

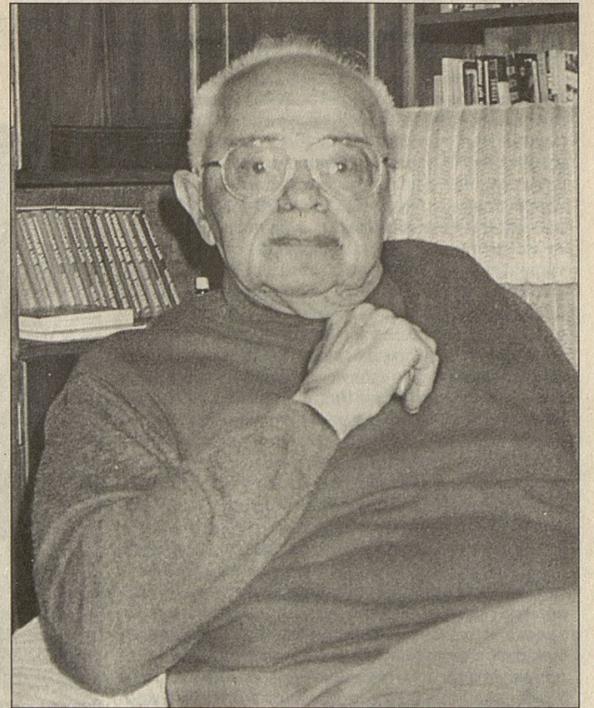
— В вашей повести «Возвращение со звезд», помнится, с людьми совершили нечто, лишившее их агрессии и права быть несчастными. Когда вы ее писали, вы были против такого порядка. А сегодня?

— Написать можно все, но ведь исполнить это невозможно.

— А хотелось бы?

— Нельзя принудить людей быть моральными. Вот в Польше, с одной стороны, все католики. С другой — есть огромное количество бродяг, нищих. Люди крадут, совершают преступления. У нас уже и мафии есть, почти как в США. А полиция ничего не может сделать, не имеет никакого авторитета. У церкви вроде бы авторитет есть, она призывает всех руководствоваться христианскими ценностями, но главная ценность сегодня — это деньги, в том числе и для церкви. Раньше на абсолютный авторитет в польском обществе претендовала ПОРП (Польская

вый мир», «Знамя». Но ведь когда-то нужно еще есть, спать, а в сутках по-прежнему лишь 24 часа. Кроме того, ко мне еще часто обращаются и просят стать почетным членом чего-то. Я спрашиваю: а какие у меня будут обязанности? Да никаких, только дайте нам вашу фамилию. Через некоторое время получаю письмо: пожалуйста, приезжайте, открывайте, скажите. Но я не могу приехать ко всем, иначе мне пришлось бы разорваться на куски. Я никогда не принадлежал к тем, кто любит путешествовать. Мне это неинтересно. В последний раз я летел, кажется, из Вены десять лет назад. И потом 80 лет — это, согласитесь, некоторый возраст. Сажу на месте, никуда не выезжаю. Читаю. Вон там — сборник Пушкина, изданный в свое время тиражом в четверть миллиона и купленный мною за 1 рубль 20 копеек. Многие знаю наизусть: «Я помню чудное мгновенье», «Я вас любил» и так далее. Помню и стихи других ваших поэтов, на-

длинлись две Германии, был такой энтузиазм, а теперь люди бегут из Восточной Германии — им не нравится то, что у них сделали западные немцы. Пока еще государства имеют каждое свою валюту, а скоро будет одна — евро. Я немножко понимаю в астрологии, но в экономике не понимаю ничего. Биржа и все с этим связанное — для меня как китайское письмо.

— Можно ли научить людей отличать продукцию информационных технологий от реальности?

— Это очень интересный вопрос. Вы знаете, в Америке есть люди, которые уверены, что никаких американцев на Луне не было, что все это миф. Мой сын рассказывал, что в Америке существует Общество плоской Земли, то есть люди, вполне серьезно думающие, что Земля не шар. Если люди очень хотят во что-то верить, разве им можно это запретить?

— Что вы думаете о клонировании человека?

— Почти все говорят, что это очень опасно. Но есть сумасшедший итальянский врач, который говорит, что будет этим заниматься, несмотря на все запреты. А насчет самой возможности... В конце XIX века многие специалисты говорили, что никогда машина тяжелее воздуха не поднимется в небо, что это абсолютно невозможно. Лет 30—40 назад никто не мог предвидеть ни клонирования, ни того, что будет расшифрован геном человека, ни возможности выбрать пол ребенка. Генетически измененные растения вызывают ощущение ужаса, особенно в Европе. Правда, пока ничего не случилось.

— Но ведь и времени прошло не так много для того, чтобы проявились так называемые отдаленные последствия.

— А если и случится, то мы об этом можем ничего не узнать. Я ведь перестал смотреть телевидение, потому что не мог выносить такого количества крови. У вас ведь тоже, наверное, показываю эти американские фильмы?

— Конечно, и я их тоже не смотрю. Мы с вами как страусы — спрятали голову в песок, и вроде бы опасности нет.

— Мы живем, как говорят китайская поговорка, в очень интересное и опасное время.

— В числе главных опасностей — наркомания. Как вы считаете, можно ли с ней бороться и победить?

— 30 лет тому назад мне под контролем врача дали один миллиграмм пилотицина, такого галлюциногена. Это было довольно интересно, но когда они хотели повторить эксперимент, я отказался и сказал, что мне достаточно моего собственного воображения. В своей жизни я больше никогда не соприкасался с проблемой наркотиков, но знаю, насколько это опасно для молодежи.

— Кстати, о молодежи. Есть ли у вас с ней контакт? Читает ли она ваши книги?

— Немножко читает. Но у нас существует огромная конкуренция с западной литературой. В российских журналах стихи еще в рифму пишу, а у нас уже почти нет. Из-за этой ужасной свободы каждый может издать все что хочет, были бы деньги. Издают и себя. А потом в конверт — и присылают мне. Но я же не могу все это прочесть!

— А не прочесть то, что вам прислали, воспитание не позволяет?

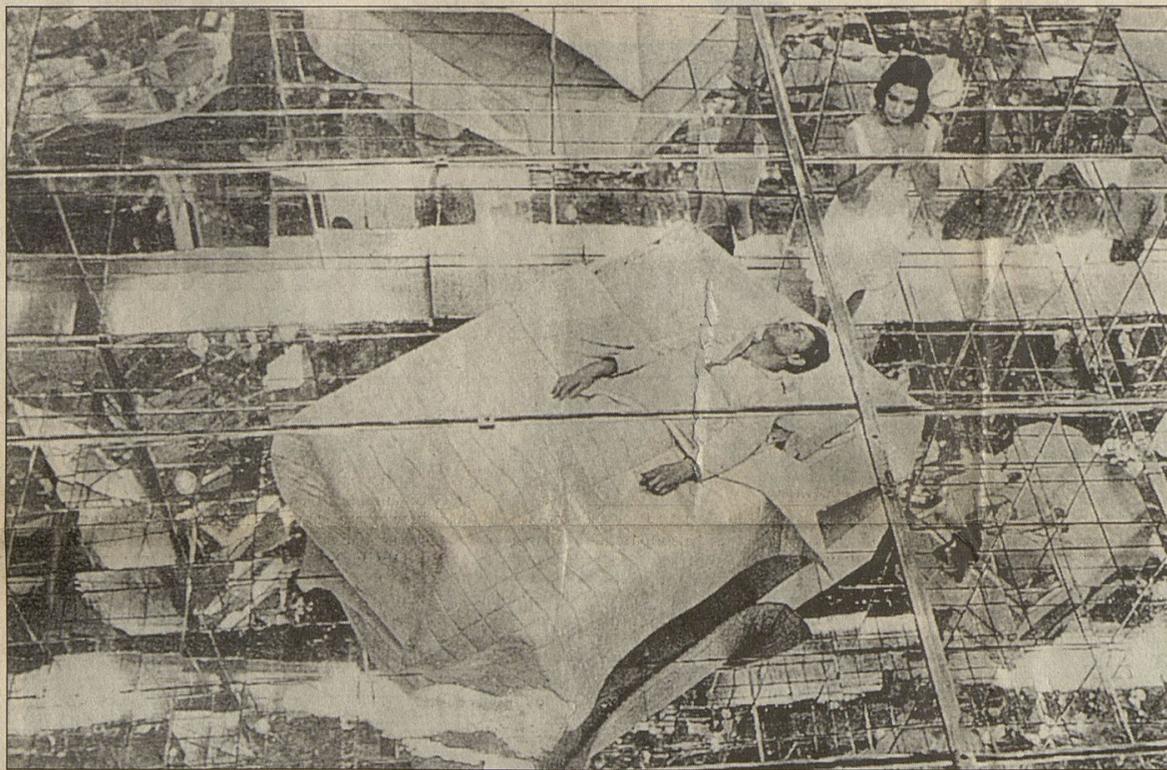
— Из десяти книг одна точно будет хорошая. А из тысячи я выбирать не в состоянии. В книжные магазины страшно заходить — 99 процентов переводной литературы. Есть, правда, хорошая научная литература, но она очень дорогая — 50—60 долларов. Издатель должен заработать деньги на астрологической, кулинарной литературе, на дамских романах и детективах. Тогда он сможет маленьким тиражом издать что-то хорошее.

— Известно, что вы не очень хорошо отнеслись к знаменитому «Солярису» Андрея Тарковского. Какой должна быть экранизация или инсценировка, чтобы заслужить ваше благосклонное отношение?

— Даже не знаю. Только что я получил известие из Соединенных Штатов Америки о том, что они все-таки будут делать так называемый «Солярис» — римейк фильма Тарковского. Будет ставить какой-то известный режиссер, но фамилии я не помню.

— Вы родились и огромную часть вашей жизни прожили в XX веке с его страшными войнами, с его революциями. Что бы вы изменили, будь на то ваша воля?

— Я родился во Львове, прожил 16 лет своей жизни в довоенной Польше, потом, никуда из Львова не уезжая, в Советском Союзе, потом пришли немцы, и мы с родителями переехали в Краков. Здесь я познакомился с будущей женой, которая тоже оказалась в Кракове из-за войны. У нас родился сын, теперь есть внучка. И можно сказать: да, война была ужасна, она уничтожила миллионы людей, но если бы не она, не было бы нашего брака, сына, внучки. Таким образом, всякая вещь имеет свою положительную и отрицательную сторону. Жизнь человека зависит от огромной массы случайностей. Вот сейчас я случайно узнал, что тот краковский католический еженедельник, в котором я пишу свои фельетоны, купил какие-то швейцарцы и хотят перенести его издание в Варшаву. Я, конечно, там сотрудничать перестану. Поневоле вспомнишь о временах реального социализма. Хотя, конечно же, никакой ностальгии по тем временам я не чувствую.

Михаил Ромадин. Эскиз «зеркальной комнаты» к фильму «Солярис»

баллистике говорят, что ничего из этого не выйдет. На месте президента Путина я бы сидел тихо и смотрел, как американцы выбрасывают огромные деньги в эту черную дыру.

— А в Европе вас что же, все устраивает?

— В Европе все немного по-другому. Что касается собственно Польши, то здесь еще остались люди, которые называют себя интеллигенцией. Они себя не очень хорошо чувствуют в этой новой, свободной Польше, потому что то, чем они жили, — литература, культура — становится второстепенным. Есть свобода, но нет той прекрасной Польши, о которой они грезили. Хотя в Польшу ударила все больше людей из стран так называемого «третьего мира»... Мы потеряли огромное количество умных людей, особенно в период гитлеровской оккупации. Не только евреев, но и всех тех, кого можно было назвать польской элитой. Во время военного положения и потом, в годы распада советской империи, родилось

— Отвечу косвенно. Раньше западных корреспондентов, побывавших в Москве, удивляло, что в метро читают Толстого, Некрасова. А недавно ко мне обратился русский «Плейбой», и я удивился: неужели может быть обнаженная русская женщина на фотографии? Увы, не все люди могут использовать свободу своим умным и хорошим образом. Но стоит об этом говорить, как сразу можно услышать: ага, так вы снова хотите ввести цензуру? Есть такая телевизионная передача «Большой брат»: людей закрывают в специальном помещении, там всюду телекамеры, ну, может быть, кроме туалета. Эту передачу смотрели несколько миллионов телезрителей, которые решали, кто им нравится, а кто нет. Тех, кто понравился меньше, из программы выбрасывали. Оставшийся последним получил полмиллиона злотых. Для участия во втором туре уже отобрано 120 тысяч кандидатов обоего пола... Так вот, я не смотрю телевидение уже пять или шесть лет, ни польское, ни меж-

объединенная рабочая партия, аналог нашей КПСС. — Ю. Р.), сегодня претендует костел. Мы еще не дозрели до демократии. Делая скачок из социализма в капитализм, можно ведь голову сломать.

— Какая идея могла бы вас сейчас подвигнуть на творчество?

— Сейчас время не книг, а телевидения и Интернета. У меня, конечно, есть и компьютер, и модем с электронной почтой, но я не принадлежу к энтузиастам этой техники. На меня некоторые обижаются, говорят, что, мол, старик не хочет менять своих привычек. Хотя, конечно, то, что за пять минут я могу получить письмо от моего американского агента и сразу ему ответить, — это очень хорошо. Но сколько в этой самой Сети мусора! И никто с этим не может ничего поделать. По-моему, нужна определенная селекция. И не только в Интернете. Мой агент из США присылает мне много разных изданий, агент из Москвы — журналы «Природа», «Но-

пример Маяковского, но Пушкин — это совсем другое.

— А что-нибудь современное читаете?

— В последнее время читаю очень интересные американские книги о проблеме связей с внеземными цивилизациями. В свое время покойный Иосиф Шкловский и американец Карл Саган, который тоже уже умер, на конференции в Бюракане говорили о вероятности разумной жизни в нашей Галактике. Незадолго до смерти Шкловский был уверен, что мы — единственные разумные существа во Вселенной. Вот и у меня не остается никакой надежды, что кто-то к нам прилетит на тарелке. Это сказки для детей. Никто не посмотрит из космоса на то, как некрисиво мы живем.

— Пан Станислав, попробуйте предсказать ближайшее будущее, ну хотя бы года на два-три вперед.

— «Буря мглой небо кроет». Кругом — сплошная мгла, никто ничего не знает о будущем. Невозможно ничего знать даже на два-три года вперед. Когда объе-